Черкасова Е. А., г. Тюмень

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПОЭЗИИ В.С. СОЛОВЬЕВА

В философском произведении «Смысл любви» (1892 – 1894) В.С. Соловьев отмечает, что женщина – это пассивное начало и «великая тайна». Сила любви к женщине, по Соловьеву, «переходя в свет, <...> открывает нам свою объективную мощь, <...> мы сами должны понять это откровение и воспользоваться им, чтобы оно не осталось мимолетным и загадочным проблеском какой-то тайны» [Соловьев 1998: 459].

При этом человек (мужчина) созидает женщину подобно Христу, создающему Церковь, иначе говоря, «человек (муж) есть творческое, зиждительное начало относительно своего женского дополнения не сам по себе, а как посредник или проводник Божественной силы» [Соловьев 1998: 477 – 478].

В поэзии философа образ женщины многогранен и многоаспектен. То, что тексты, в которых есть обращение к женщине, составляют практически треть всего корпуса стихотворных произведений Соловьева, свидетельствует о том, что образ женщины занимает центральное место в его поэзии. Знаковая мифологизация образа очевидна уже в тексте середины 1870-х годов. Здесь не только неясный образ «в лазури», но и описание места встречи и одевания царицы, ее способности к «вечной любви»: «И низринуты темные силы во прах, / Чистым пламенем весь он горит, / И с любовию вечной в лазурных очах / Тихо другу она говорит».

Лирический герой несколько раз повторяет, что образ, который являлся ему, был воспринят не взрослым, а ребенком («Станным ребенком был я тогда»; «Смутным созданием детской мечты / долго тебя я считал»). Лирическому герою становится ясен явившийся ему образ – это уже не детский сон, это явь, а в реальности это уже не царица, явившаяся в лазури, а «богиня», которая своим появлением вписывает лирического героя в число бессмертных: «Близко, далёко, не здесь и не там, / В царстве мистических грез, / В мире, невидимом смертным очам, / В мире без смеха и слез».

В текстах начала 1880-х годов, где образ женщины является центральным, проявляется та черта лирики Владимира Соловьева, о которой пишет З.Г. Минц: «В стихотворениях Соловьева почти всегда реализуются одновременно две тенденции: стремление к максимальной поляризации слов-понятий и стремление подчеркнуть единство этих полярных начал. <...> Подобное построение характеризует и интимно-лирические стихотворения Соловьева». В творчестве Соловьева существует ряд текстов, в которых женский образ максимально приближен к реальному. Например, «Там под липой у решетки...», «Безрадостной любви развязка роковая...», Пусть очень ранняя смется надо мной...», «Потому ль, что сердцу надо...» и другие. Исследователь также отмечает, что «Соловьев почти никогда не был склонен рассматривать интимные чувства, как только земные, «посюсторонние» [Минц 2004: 291 – 292]. Построение образа путем нанизывания антиномических понятий характерно и для текстов поэта.

Соловьев пророчествует о приходе на землю вечной женственности: «В ту красоту, о коварные черти, / Путь себе тайный нашли, / Адское семя растленья и смерти / В образ прекрасный вы сеять могли. // Знайте же: вечная женственность ныне / В теле нетленном на землю идет. / В свете немеркнущем новой богини / Небо слилось с пучиною вод». Вечную женственность Соловьев мыслит как «*другое* единство, различное, хотя и неотделимое от первоначального единства Божия», она «есть относительно Бога единство пассивное, женское, так как здесь вечная пустота (чистая потенция) воспринимает полноту божественной жизни» [Соловьев 1998: 482 – 483].

Поэма «Три свидания» (1898) объединяет биографический и мифологический пласты. Здесь подробно и несколько в юмористической манере лирический герой рассказывает о встрече с «подругой вечной», о тех знаниях, которые он получил после встречи с ней. Он не называет ее, но намекает на ее бессмертие: «Заранее над смертью торжествуя / И цепь времен любовью одолев, / Подруга вечная, тебя не назову я, / Но ты почувешь трепетный напев... // Не верю обманчивому миру, / Под грубою корою вещества / Я осязал нетленную порфиру / И узнавал сиянье божества...».

Есть еще один вариант реализации женского образа в поэзии Владимира Соловьева, который можно обнаружить в двух циклах акростихов «Сафо» и «Матрена». В каждом тексте из цикла центральной оказывается тема любви: «Сказочным чем-то повеяло снова... / Ангел иль демон мне в сердце стучится? / Форму принять мое чувство боится... / О, как бессильно холодное слово». Напомним, что Сократ считал Сафо своей наставницей в вопросах любви.

Сатирический тон, в котором написан второй цикл, не исключает, тем не менее, мистицизма, присущего большинству стихотворных произведений поэта: «Мадонной была для меня ты когда-то: / Алмазною радугой лик твой горел, / Таинственно всё в тебе было и свято, / Рыдал я у ног твоих тысячекрат и / Едва удивиться с тоски не успел, / Но скрылся куда-то твой образ крылатый, / А вместо него я Матрену узрел» (из цикла «Матрена»). Соединение сакрального и бытового в сюжете переживания лирического героя свидетельствуют о культурной проекции сознания последнего на тип дон Кихота. Необходимо добавить, что циклы создаются автором параллельно, что также дает повод говорить о двухаспектном моделировании Соловьевым женского образа.

Среди сатирических стихотворений есть лишь пять текстов, которые аккумулируют женский образ. Данный образ предельно реален и мир, в котором изображена женщина, также действителен. Это такие тексты, как «Читательница и анютины глазки» (Конец 1870-х – начало 1880-х годов (?)), «Признание даме, спрашивавшей автора, отчего ему жарко» (из Гафиза, подражание Лермонтову) (1886, Князь Гелиотропов), «Вы были для меня, прелестное создание» (март 1893), а также две эпиграммы, которые возвращают к образу Сафо. Они звучат так: «1. Придет к нам, верно, из Лесбоса / Решенье женского вопроса» и «2. Дал вечность Лесбии своей / Катулл, хоть к ней отнесся строго... / Катуллоу нет у нас, ей-ей, / но Лесбий, батюшки, как много!» (1897).

Следуя своей концепции, поэт создает женщину-богиню и царицу, способную стать, как отмечает сам автор, «не субъективным только, а и объективным воссоединением индивидуального человека с Богом, восстановлением в нем живого и бессмертного образа Божия» [Соловьев 1998: 483]. Именно посредством концепта «вечной женственности», через встречу с ней человек, по Соловьеву, может стать бессмертным, ведь «простое отношение к любви завершается тем окончательным и крайним упрощением, которое называется смертью» [Соловьев 1998: 479]. Соловьев, реализуя свою идею, намеренно и последовательно стремится создать и описать посредством поэзии тайну, которую несет женщина.

Литература

- Миц З.Г. Владимир Соловьев – поэт // Миц З.Г. Поэтика русского символизма. – С.-Пб., 2004.
Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / Библиотека поэта. - Л., 1974.
Соловьев В.С. Избранное / Библиотека поэзии. – С.-Пб., 1998.
Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Избранные произведения. - Ростов-на-Дону, 1998.